

Меня всегда занимал вопрос: когда Коняев умудряется писать?

С Николаем Ивановичем я был знаком добрых два десятка лет, и почти все это время он возглавлял писательскую организацию Югры. Должность беспокойная и многотрудная. Это и разработка разного рода документов, и их реализация на деле, и многочисленные выступления перед читателями, и участие в писательских мероприятиях, вплоть до всероссийских – да мало ли что еще.

В том числе и многолетнее редактирование альманаха «Эринтур», у истоков которого он стоял. На такой должности ни словом, ни взглядом нельзя задеть гипертрофированное самолюбие авторов. А это тоже труд – не всякий автор такого отношения заслуживает. Не говорю уж о том, сколько времени и нервной энергии забирала у Коняева борьба с чиновниками. Чего стоили одни только страсти вокруг писательского дома в Ханты-Мансийске, в свое время дарованного нам, а затем под благовидным предлогом властью и отобранного.

И тем не менее Коняев писал. Находил для этого время и силы. Умел сохранять в себе душевное равновесие, без которого ничего толкового в литературе не создашь. А что это как не показатель духовного здоровья и преданности делу, которому была в итоге отдана жизнь?

Я мог бы перечислить и другие вехи биографии Николая Ивановича. Но в жизни писателя не внешние события определяют суть. Главное – душа и ум, а они наиболее полно проявляются именно в произведениях. Отсюда и название этого эссе. Разговор о рассказах и повестях Коняева – попытка осмыслить его духовную сущность, нравственные критерии и писательский потенциал. Что, повторюсь, главное в настоящем, серьезном литераторе.

2

У прозы Коняева есть одна любопытная особенность. В ней чувствуешь себя, как в обжитом деревенском доме. Ты не знаешь наверняка, что ждет тебя в той или этой комнате и какой вид откроется из окна. Но совершенно уверен: и там, и здесь встретишь понятные, близкие твоему читательскому сердцу порядки и вещи.

Ощущение естественное, причины очевидны. Николай Коняев работал в стилистике, имеющей в отечественной словесности давние добрые традиции. Эта стилистика (речь не столько о формальных признаках письма, сколько о нравственных установках) осенена именами Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова, других хороших писателей. Для них духовное здоровье русского человека всегда составляло главный нерв творчества. Если же заглянуть вглубь времени, то забрежат фигуры исполинов нашей литературы, на многие годы определившие ее пафос.

Большая часть включенных в том избранных произведений «До поры до времени» хорошо знакома читающей публике. Эти рассказы и по-

вести печатались в московской и региональной периодике, выходили в коллективных сборниках, публиковались в авторских книгах Коняева. Не ошибусь, сказав, что в фокусе внимания писателя находились прежде всего деревенские жители (отсюда, вероятно, и ассоциация коняевской прозы именно с д е р е в е н с к и м домом). Основное же духовное содержание рассказов и повестей – стремление человека сохранить в себе твердые нравственные начала.

Особенность нашего времени: оно насыщено многочисленными идеями – от традиционных до вполне экзотических. Что и понятно, процессы глобализации проявляют себя и таким образом. Кто-то преклоняется перед научным прогрессом, а кто-то верит, что на Сатурне обитают души умерших. Но для героев Николая Коняева главное не отвлеченные идеи (нередко оказывающиеся к тому же ложными), а то, что испокон века существует в народном сознании. Это справедливость, честность, семейный лад.

С симпатией следишь, например, за Таисьей, немолодой героиней рассказа «Чужая музыка», сумевшей отказаться от такого нужного ей, но ворованного теса. Трогает сердце родительское беспокойство Евдокии и Никандра (рассказ «Письмо без привета от Кирилла»). Сопереживаешь бескомпромиссному Мартынову («Прости, капитан»). И невольно задумываешься: окажись больше таких людей в нашей стране, так ли сложилась бы ее история?..

Почти родственные чувства вызывает Изот Чагин из рассказа «Изоша Поперешный». Ну не хочет человек быть бараном в стаде, направляемом властью имущими!.. Об исконном для России нежелании начальства понять простого труженика идет речь в одном из лучших коняевских рассказов «Все переврут».

Стоит сказать о непростом вопросе, которым в последние годы задаются многие писатели. Гуманистическая традиция – это, конечно, хорошо. Но не устарел ли такой подход в литературе, не остался ли в прошлом? На первые роли все очевиднее выходят произведения другого рода. Разговор не о коммерческих изданиях – все эти детективные, дамские, мистические и прочие сочинения не в счет. Они не литература.

Имею в виду произведения, авторам которых не откажешь в профессиональных качествах, но которые превращают литературу в некую забаву, разгадывание невразумительных ребусов и шарад. Их романы и повести – этакие вещи в себе, самодостаточная игра интеллекта. Осмысление новых тенденций в жизни происходит такими авторами никак не с позиций нравственности, чем всегда была сильна русская литература. Декларируется едва ли не полное безразличие к реальной жизни к ее болевым точкам.

В какой-то мере позицию таких писателей можно понять. Вероятно, это разочарование в проповеднической миссии литературы. Ее высокие идеалы, к большому сожалению, человечество не исправили. (Что, замечу, на протяжении нескольких веков, которые существует светская литература, и нереально. Христианство, к примеру, бьется над совершенствованием человека два тысячелетия – и с довольно скромными результатами.)

Возможны и другие объяснения подобной тенденции в современной изящной словесности. В частности, зависимость от власти, как ни странно это может прозвучать в нынешние времена. Опыт показывает, любая власть не заинтересована в оценке своей деятельности с точки зрения нравственности. И совсем не обязательно вводить цензуру. Достаточно,

к примеру, поставить «толстые» журналы, задающие тон в литературе, в финансовую зависимость от государства, а то и вовсе отделить от него. Что благополучно и делается.

Но каковы бы ни были причины смутного времени в литературе, мириться с мыслью, что отныне ей уготована роль пустого и необязательного времяпрепровождения, согласится не каждый писатель. Согласиться – значит лишить литературу смысла, души, отказать в высоком предназначении. В наши дни водораздел между истинной литературой и подделкой под нее – не то, какими стилистическими приемами пользуется писатель и не устарели ли они. Куда важнее: есть у него нравственная позиция или нет. Именно это оселок, на котором поверяется значимость литературной работы.

Следует все-таки оговорить один существенный момент. Превозносить прозаика только за то, что он не теряет нравственных критериев, было бы неосмотрительно. Пафос автора становится фактом литературы только в том случае, если он подкреплен профессиональным умением. В этом смысле Николай Коняев, как уже говорилось, также был по-хорошему традиционен, его произведения по-писательски добротны и высокопрофессиональны. Им уготована долгая жизнь.

Претендующая на объективность оценка должна быть доказательной. Сделать это в данном случае и легко – и сложно. Проза Коняева из того разряда, когда каждая фраза, вырванная из контекста, ничего из себя особого, казалось бы, не представляет. Но в совокупности с другими создает плотную художественную ткань, отличающую настоящее искусство от суррогата.

Прочитую начало рассказа «Изоша Поперешный».

«Попутру 7 ноября Изот Чагин встал в предвкушении праздника, чему законным основанием служило красное число на отрывном календаре. Встал и, почесывая грудь, прильнул к окну.

– Погляди в свое окно – все на улице красно! – продекламировал он с чувством, хотя на улице-то было вовсе не красно, не ало, даже не розово, а белым-бело от свежего, ночью выпавшего снега.

Дурачась от избытка теплых чувств, он мимоходом чмокнул жену в ухо и под ее довольное бурчание вышел налегке во двор. Постоял, полюбовался чистым оснежением и расправил плечи...

Через полчаса, выбритый, умытый, сел за стол и выжидательно глянул на жену. Тоже на законном основании. Но она вдруг проявила нерешительность.

– А может быть, Изоша, без стопки обойдешься?

– А почему без стопки? – удивился он. – Праздник же сегодня!

– Да вроде праздник и не праздник, не поймешь... Еще когда по радио сказали, что демонстрации не будет! Скажи, Иван? Ты слышал?

Сын подтвердил с набитым ртом:

– Угу... Сказали. Слышал».

Ничего, на первый взгляд, особенного. Простота и естественность текста порой создают именно такой эффект. Но искушенный читатель отметит: за каждой фразой свобода обращения со словом и материалом. А они даются даже одаренному литератору далеко не сразу. Коняевский текст имеет самостоятельную эстетическую ценность – он, что называется, вкусен, осязаем. А умело вкрапленные детали с самого начала закладывают в читательское сознание представление о героях.

Изот – обычный, нестарый еще мужчина, он и грудь способен с удовольствием почесать, и жену попутно чмокнуть, и полюбоваться во дворе свежавыпавшим снегом. Живет Изот, судя по всему, в собственном доме

то ли в поселке, то ли на городской окраине (должны же быть у него основания надеяться, что 7 ноября «все на улице красно», – в деревне такого не бывает). Косвенным подтверждением полудеревенского быта и отрывной календарь на стене – городские, более «продвинутые» жители предпочитают глянцевого календари-альбомы.

Жена Изота тоже осязаема уже по первым фразам рассказа и своим репликам. Она из тех простых женщин, которым приятно внимание мужа, но традиция требует поворчать, когда тебя целуют при сыне. В семье она не на последних ролях, что по ходу повествования и подтверждается. Жена определяет, когда налить Изоту рюмку, а когда нет; когда дать деньги «на общение» с мужиками, а когда и отказать. Кстати, это обстоятельство – краска в характер не только Изотовой жены, но и его тоже. Во всех смыслах положительный семьянин вряд ли полез бы на телевышку устанавливать красный флаг...

Всего несколько фраз, но сколько всего за ними! Кроме психологически точного поведения и реплик героев налицо и экономное обращение автора со словом, когда нет ничего лишнего и каждая деталь несет максимальную смысловую нагрузку. Подобное дорогого стоит, особенно в жанре рассказа, который по определению должен быть лапидарным. Ну и разумеется, звучание каждой фразы, абзаца. Без чувства гармонии, лада хорошего писателя не бывает. Коняев это чувство демонстрировал убедительно. Как и стремление к неизбежному определению или ситуации. Изот любит «чистым оснежением», а целует жену не в щеку, а в ухо – потому что неловко, мимоходом...

Остается только добавить, что все перечисленное типично не только для «Изоши Поперешного», но и для всего творчества Николая Ивановича.

Написанные в разные годы и собранные под одной обложкой, рассказы стали показателем еще одной существенной особенности. Речь идет о направлении, в котором развивалась коняевская проза. Так сказать, вектор ее движения. «Изоша Поперешный», «Время поворота солнышка на лето», «Новый русский хант», «Деньги для адвоката», «Прыжок с закрытыми глазами» и некоторые другие рассказы запоминались не только актуальным по тем временам материалом. Они были новым этапом становления Коняева-прозаика. В этих произведениях автор самобытней, изобретательней, тоньше, чем в написанных раньше. А замысел новых рассказов объемней и глубже.

Живописуя, например, жизнь пенсионера Петра Мокеевича («Время поворота солнышка на лето»), автор подводит читателя к пониманию состояния человека, выпавшего из полнокровной жизни и в итоге никому не нужного. Ситуацию объемно подсвечивает и выводит на общечеловеческий, вневозрастной уровень случай с бывшим сотрудником Петра Мокеевича – Григорашем, которого уволили с работы. Пронзительный, берущий за сердце рассказ! Сделан он на полутонах и при всей своей самостоятельности в чем-то перекликается с рассказами Чехова.

Или взять «Прыжок с закрытыми глазами». Здесь тоже все узнаваемо, тонко и современно, хотя рассказ написан давно. И мытарства тридцатилетнего Семена, в прошлом работника совхоза, а ныне безработного. И недовольство его жены Шуры, которая того и гляди уйдет от него, а еще вероятнее – самого Семена выживет из дома. И возникшая от безысходности мысль пойти служить по контракту в горячую точку...

Удерживает Семена от опрометчивого поступка случай. Купаясь, он чуть было не напоролся в воде на остро затесанные колья. Он так ярко

представил в мыслях и пережил свою смерть, что это отрезвило его. Семен приходит к выводу: никакие бытовые трудности не стоят жизни. Показательно концовка рассказа. Семен *«в сумерках пришел домой и виновато улынулся встревоженно взглянувшей на него жене.*

– Ну как вы... без меня тут?»

Эту реплику можно трактовать и совершенно иначе. Может статься, Семен пришел к другому решению. Мысленно пережитая смерть не отрезвила его, а смирила с неизбежным. Служить в горячей точке все равно придется – работы-то нет и не предвидится, а терпение Шуры на пределе...

Николай Коняев дает читателю возможность самому додумать, как дальше повернется жизнь персонажа. Не толкать к однозначному выводу, не расставлять все точки над *i* – один из показателей незаурядного писательского дара. Жизнь разнообразней нашего представления о ней.

Глубиной и неординарностью мысли запоминается рассказ «Коршун». Он написан в постперестроечные годы, когда о многих ранее притушеваемых явлениях стало можно говорить открыто. Речь в рассказе идет о колхозном объездчике по прозвищу Коршун. Во время Великой Отечественной этот человек был механиком-водителем танка, имеет много боевых наград, но до сих пор не перестает пакостить односельчанам. Его страсть – убивать плеткой гусят.

Жестокость, возводимая на войне в ранг героизма, осуждаема и вызывает неприятие в обычной, нормальной жизни. Парадокс, заставляющий по-новому взглянуть на тех, кто был первым на фронте. Воистину война – противоестественное, бесчеловечное дело. Единственное, что, на мой взгляд, снижает пафос рассказа, это попытка объяснить жестокость Коршуна житейскими обстоятельствами. Безжалостность – скорее врожденное качество, а не приобретенное. Именно она, выражаясь словами персонажа, «струя» в его жизни. А «брызги» – и ордена, и убитые гусята. То и другое, как это ни странно, в одном ряду.

3

Отдельного разговора заслуживают повести Николая Коняева. В том числе «До поры до времени», одна из лучших, самых глубоких в его творчестве. В основе этого произведения извечная для русской интеллигенции боль – взаимоотношение с народом. Несколько слов о содержании повести.

Ее главный герой Виктор Веремеев приезжает на несколько дней в родную деревню. Он – писатель, служит в журнале, но приехал в деревню не отдыхать, а в тишине и покое написать важную статью. Угадывается время – конец 80-х или начало 90-х с их идеологическими битвами, непомерным авторитетом депутатов и прочей атрибутикой.

Как водится, поработать Веремееву не дают. Сразу возникает масса дел: от необходимости подновить загородку для кабана в хозяйстве немолодого дяди до приглашения выступить перед земляками по районному телевидению. Глазами известного, повидавшего мир писателя мы видим безалаберность деревенской жизни. Пьянство, пренебрежение исконными крестьянскими обязанностями, безразличие к жизни родного человека. Только и остается вслед за Веремеевым воскликнуть: «Самоубийцы вы!..»

И то сказать, дядин двор – *«с обрушенным колодцем у ветхого плетня, с запрокинутым отчаянно в небо журавлем над трухлявым срубом зарос густой пастушьей сумкой, неувядаемым пыреем»*. И всё это при вполне здоровом двоюродном брате Веремеева Сахе (Александре). Сам Саха берет

с матери деньги за обещание привезти дров, благополучно пропивает их, а дрова так и не привозит. Потребовалось вмешательство Веремеева, чтобы дрова все же были доставлены. Дядя Петр (Петруня) готов, что называется, заживо лечь в могилу, лишь бы не ездить к врачам. Сын Саха потворствует ему, хотя мог бы присоединиться к здравомыслящему Веремееву и настоять на больнице. Невестка Галина, пострадавшая от Сахиного любвеобильного нрава и приверженности к зеленому змию, тем не менее за то, чтобы муж продолжал пить. Она не говорит прямо, но это следует из ее горячего монолога в конце повести. А Веремеев, желающий избавить двоюродного брата от пагубной привычки, чуть ли не враг для нее...

О деревне в русской литературе написано немало. Если говорить только о классике, это и чеховские «Мужики», «В овраге», и «Деревня» Бунина. А еще раньше – «Записки охотника» Тургенева, очерки ныне полузабытого Глеба Успенского и многое другое. Любопытна метаморфоза в изображении крестьян. Если, скажем, у Тургенева на первом месте уважение к внутреннему миру и талантам крепостного, то отношение к деревенским жителям у Чехова (и особенно у Бунина) едва ли не диаметрально противоположное.

Людям, выросшим на европейской культуре, кажутся дикими, нечеловеческими условия, в которых живут крестьяне, поражают скотские отношения между ними – с неизменным торжеством хамов. Давно уже нет помещиков-крепостников, на которых можно было списывать неприглядные стороны жизни деревни, а дикости и грязи, по Бунину и Чехову, стало только больше.

В советской литературе так жестко о колхозниках не писали. Причина, думается, не только в идеологических установках. Русские интеллигенты (и писатели в том числе) двойственны по своему мировосприятию. Они понимают: так, как наши крестьяне, жить нельзя – это оскорбительно для человеческого достоинства. Так живут разве что в полудиких Афганистане или Сомали. Но ведь «вышли мы все из народа», народ наш кормилец. Мы, дескать, живем в квартирах с теплыми клозетами, а крестьяне – в избах с печным отоплением, с единственным на несколько деревень магазином, в который только на тракторе и можно добраться...

Я не склонен преувеличивать значение левого начала в судьбе каждого из нас. К несчастью, бывает так, что семья, в которой человек родился, окружение, в котором вырос, другие обстоятельства не позволяют ему жить иначе. Однако и то правда, что многие все же вырываются из «идиотизма деревенской жизни», стремятся к более достойному существованию, а главное – добиваются его.

Что же касается миссии интеллигенции, которая якобы должна жертвовать собой ради блага народа, лично мне видится в этом изрядная доля лукавства. Жертвенность выгодна власти, которая готова с радостью свалить на плечи интеллигенции то, о чем должна заботиться сама. Подобная позиция выгодна и таким людям, как Саха. Не для того они остаются в деревне, чтобы пахать огороды, помогать колоть подсвинков и т.д., как заявляет Галина. Причина в другом. Так вольготно, как в деревне, людям, подобным Сахе, нигде не будет. Чтобы и выпить, и закусить, и квартиру бывшей жены взломать, и пьяным на тракторе в баню с моющимися женщинами въехать без особых для себя последствий, и прочие непотребства творить.

Выше я говорил о том, что Коняев избегал приговоров. Как многое в жизни, явления вокруг нас имеют противоречивую сущность. Прав

Веремеев, но и правы, видимо, пусть по-своему, его деревенские родичи. Может, и в самом деле не стоит «трогать с места» Петруню? Человек прожил большую нелегкую жизнь, она естественным образом клонится к закату – чем ему помогут врачи?.. (Кстати, удивительно точно автор сумел передать состояние тихо уходящего из жизни человека. Ничто вроде бы у Петруни не болит, а он может часами сидеть неподвижно, отрешенно глядя в одну точку, то и дело подыскивает место, где можно было бы прикорнуть, практически не участвует в окружающих событиях. Человек словно готовится к другому состоянию, другой реальности, если таковая существует.)

И возможно, не выговор Веремеева подействовал на Саху, который все-таки привез дрова для отца и матери, а нечто другое. Можно пить, но слово свое держать, хотя и выполнять обещанное не сразу. Есть своя логика и в поведении Галины, которая только что была готова упечь Саху за его художества в тюрьму, но сутки спустя яростно бросается защищать от Веремеева...

Крестьянская жизнь – другая цивилизация. Другой образ жизни и мышления. То, что в конечном итоге и разъединяет европеизированного русского интеллигента и исконного сельского жителя, несмотря на общность языка, истории, менталитета. Такие мысли – непростые, горькие – приходят по прочтении повести. Знаменательна ее концовка. У Веремеева происходит обширный инфаркт. Надо полагать, причиной не только идеологические разногласия с яркими перестройщиками, но и то, чему он стал свидетелем в родной деревне.

Не останавливаюсь подробно на других смысловых составляющих повести. Хотя есть среди них серьезные. Например, сюжетная линия, представляющая взаимоотношения Веремеева с «апрелевцем» Зарницким, которого на свою голову он когда-то пригрел, помог пробиться в литературе. Символичными выглядят блуждания Веремеева и Зарницкого в поисках дороги – ни «консерватор», ни «демократ» долго не могут ее найти, все выходит на болото... Вторым планом, дополняющим основные события, идут ощущения и мысли главного героя, связанные с положением писателя в обществе. С одной стороны, неуверенность, что он, Веремеев, имеет право чему-то учить людей, на глазах которых вырос. А с другой – убежденность, что они, земляки, уважают и ценят его. И никому не позволят оскорбить или ложно обвинить.

События повести показывают – позволяют. И даже сами устами Галины обвиняют.

Такова уж, видно, судьба русской интеллигенции – быть по большому счету чуждой народу. Не потому ли, что она хочет родной народ видеть другим, стремится, пусть и вяло, изменить его жизнь?..

Если в «До поры до времени» народ показан в восприятии интеллигента Веремеева, то в другой значимой в творчестве Коняева повести «Околоток Перековка» посредников не существует. Вернее, он есть – главная героиня Серафима Ниловна Колягина, пенсионерка шестидесяти трех лет. Однако она сама одновременно и носитель народного восприятия с его традиционными понятиями о добре и зле, правде и кривде. Обостряет это восприятие горбачевская перестройка, ставшая бедой для подавляющей части населения страны.

Резкий всплеск преступности, талоны на продукты питания, произвол чиновничества, обман едва ли не везде и во всем – все это для людей, привыкших к порядку и благополучию 70-х и первой половины 80-х годов

стало шоком. Заправилами в жизни, и это все очевидней, становятся те, кого власть еще недавно преследовала. Честный труд стремительно теряет свою цену. Растет число опустившихся, растерявшихся перед новыми реалиями людей – бомжей.

Да что бомжи! Серафима Ниловна, у которой и крыша над головой есть, и пенсия, все более и более чувствует себя неуютно в новой жизни. Северу она отдала лучшие годы, а сейчас, на склоне лет, оказывается, что не так жила и в своих бедах сама же виновата. Устами видного в масштабах города чиновника власть внушает ей это. Кроме ветхого домишки на окраине у Ниловны ничего нет. А теперь и его собираются сносить. Казалось бы, радуйся – взамен дадут более благоустроенное жилье. Но тогда не будет огорода, который немалое подспорье для пенсионерки. И квартирантке-студентке придется отказать. Как, чем жить в условиях повального дефицита и начинающейся инфляции?..

Отчуждение к перестроечной жизни переносится у Ниловны на сам город Кедровый. Женщине кажется, что в родной деревне все другое, лучше и светлее. Она решает вернуться туда. Однако нужны деньги, чтобы обжиться на новом месте. Вопреки своим убеждениям Ниловна принимается приторговывать водкой. А это не только постоянное беспокойство по ночам, но и страх. Лихих людей вокруг все больше, а вдруг кто позарится на рубли, что она скопила на переезд? Скажем, тот же вахтовик-пропойца Шуруп, из-за денег убивший уже человека.

Завершается повесть трагически. Ниловна, жертва новой жизни, стреляет из ружья в другую жертву, бомжа по прозвищу Полиглот. Ниловна в свое время выходила его, спасла от смерти, а сейчас убивает, приняв за Шурупа... Grimаса перестроечной действительности, расшатавшей нравственные устои, смешавшей понятия добра и зла. Теперь вместо спокойной жизни в родной деревне – лагерь. Пойдут прахом собранные с таким трудом и насилием над собой деньги. Сама судьба пожилой труженицы будет исковеркана...

И в этой повести Николай Коняев проявляет себя как тонкий стилист – качество, характерное для всего его творчества. Язык повести пластичен, образен, точен. Текст от автора гармонично сочетается с несобственно прямой речью – речью самого народа, одним из лучших представителей которого Ниловна заявлена. Завидую читателям, которым только еще предстоит познакомиться с повестями и рассказами Коняева!

4

Однотомник избранного включает в себя и многие другие произведения. Они дают достаточно полное представление о творческом пути Николая Коняева, о его становлении и развитии как прозаика. По сути это подведение итогов многолетней работы в литературе, пусть пока и предварительное.

По крайней мере, так тогда казалось...

Разумеется, что-то осталось и за пределами юбилейного однотомника. По тем или иным причинам не вошло в него, хотя эти произведения тоже заметные вехи в писательской биографии Николая Ивановича. Почитателям его таланта знакома, например, документальная книга «Моя нечаянная родина». Это не только благодарная дань Коняева памяти родителей, семье, многочисленным родственникам, но и скрупулезная исследовательская работа о прошлом малой родины.

Значителен и потенциал другого документального повествования «Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки». Это произведение печаталось в центральной периодике, входило в один из авторских сборников Николая Коняева, по нему был снят документальный фильм. В фокусе внимания писателя оказалась глубокая мировоззренческая проблема. Коротко ее можно сформулировать так: влияние на судьбу простого человека мимолетного случая, сведшего его с исторической личностью. Березовский меццанин Кузьма Коровин-Ножкин помог бежать из ссылки злому гению российской истории Льву Троцкому...

Коняев продолжал работать над этой темой и в Тюмени, куда, выйдя на пенсию, переехал из Ханты-Мансийска. Документальное повествование превращалось в полновесный роман, насыщенный реалиями времени и осязаемыми характерами. В июле 2016 года Николай Иванович писал мне: *«Неделями пропадаю на даче... Пишу урывками, когда потянет. А если не тянет, то просто живу и радуюсь каждому дню. Но первую книгу (2 части) все-таки уже сделал. Буду печатать тогда, когда закончу 3 и 4 части – вторую книгу. С жанром, кажется, окончательно определился – это будет роман-расследование. Рабочее заглавие – «Берег белый – берег красный». Два берега одной реки – России. Замысел рискован, современные «белые» меня не примут, а современные «красные» меня «отторгнут». Надеюсь на понимание «бесцветных».*

Казалось, так и будет. Все говорило о том, что творческий потенциал одного из лучших прозаиков современной Сибири далеко не исчерпан. Коняев не только был полон творческих замыслов, но и активно участвовал в литературной жизни Тюмени. Составил, например, однотомник избранных произведений рано ушедшего из жизни талантливового Ивана Ермакова и написал вступительную статью к этому однотомнику. Николай Иванович был отмечен правительством области за «Хрестоматию тюменских писателей». По решению Госдумы ему вручена памятная медаль «Год литературы»...

«Меня тут недавно включили в члены жюри и конкурсной комиссии регионального конкурса «Тюменская книга года – 2016». Так что осенью придется ворошить горы книг и брошюр...»

Казалось, ничто не предвещало беды. Коняев активно работал, был полон замыслов и творческих планов, совершенствовался и рос как серьезный, вдумчивый писатель. Но одна из самых горьких несправедливостей жизни состоит в том, что из нее нередко уходят в самом расцвете сил. Так случилось и с Николаем Ивановичем Коняевым. Он умер 28 сентября 2017 года.

Памятью о нем стали талантливые, заставляющие думать произведения. По моему глубокому убеждению, они не остались в своем времени, их потенциал намного значительнее – он вневременной. И это не только мое мнение. Так думают многие.

И важно, чтобы это осознали люди, от которых зависит издательская политика в регионе. Книги Николая Коняева должны регулярно переиздаваться. Потому что от них во многом зависит духовное здоровье русского человека. Как бы патетически это ни звучало.